

Текст · 10 января 2020, 08:16

«Суд идет!». Как советские журналисты писали об уголовных делах в 1920-х годах

Умри, фараон^[1] ! (Из залы Череповецкого Губсуда)

В Устюжие в феврале с.г.^[2] в местный угрозыск явился Виктор Войш, 19 лет, и, предъявив револьвер с 4 боевыми патронами и стрелянной гильзой, заявил, что он только что убил своего отца — Николая Войш...

Перед судом, разбиравшим это дело, развернулась жуткая картина столкновения «старого» быта в лице Николая Войш — отца и «нового» в лице сына — Виктора Войш.

Более 20 лет — с 1895 г. по февраль 1917 г. — Николай Войш состоял на полицейской службе в различных городах России, всюду принимал активное участие в подавлении революционных движений. Так, в 1905 г. в посаде Малая Вишера Новгородской губернии, в должности полицейского надзирателя он «энергично» подавлял забастовку рабочих на фабрике Курженкова; будучи полицейским приставом 2-го стана Белозерского уезда и 1-го стана Череповецкого уезда, активно боролся с нараставшим аграрным движением, арестовывал руководителей, производил обыски. В деревне Успенской слободе, где ему было оказано сопротивление при аресте учителя, учинил избиение арестованных...

Против Войша было возбуждено дело по 67-й ст. У.К^[3]. Дело должно было разбираться 10 марта в Губернском Суде. Виктор Войш предупредил этот процесс...

В 1919 г. Виктор, без ведома отца, вступил в члены РЛКСМ^[4] и активно работал в организации; тогда между сыном и отцом на почве политических взглядов пошли ссоры; столкновения обострялись, и отец нередко наносил побои сыну за то, что тот работал в Комсомоле. «Старый» Войш, как б.^[5] помощник полицейского исправника царского времени, и после революции не изменил своих взглядов. Он оставался верен прошлой службе и в азарте хвастался ею перед сыном. В 1925 г. отец немного изменился в лучшую сторону по отношению к сыну: причиной было исключение Виктора поверочной Комиссией из членов РЛКСМ, как сына дворянина и б. полицейского чиновника. Всю эту семейную драму раскрыли на суде два свидетеля — мать и бабушка Войша.

— Обедали они в тот день вместе, — показывала бабушка. — В 6 часов я ушла в церковь, а когда вернулась, убийство уже совершилось. Отец был старого режима, ругал и колотил Витю за то, что он был в Комсомоле. Жили они между собою худо только из-за разных взглядов.

— Виктор защищал новую власть, отец нападал на нее и на Виктора...

Еще более ярко и выпукло подчеркнула причины убийства в своих показаниях жена убитого, мать Виктора...

— Ссоры у Виктора с отцом были исключительно на политической почве.

— Сын был в Комсомоле. Отец ругался и называл комсомольцев хулиганами... случилось, что отец входил в азарт и хвастался своей прежней службой... Он был горяч, не сдерживался. В семье мы его считали деспотом... — Помолчав, мать прибавила:

— Я не уходила от мужа лишь по слабости характера. Боялась общественного мнения... Взглядов мужа я не разделяла и всецело была на стороне сына. Сын оставался в семье только из-за меня, бабушки и сестренки. Ждал, что его куда-нибудь назначат...

В день убийства Виктор Войш, как показывают свидетели, читал обвинительное заключение, полученное отцом, был в крайне возбужденном состоянии и, одевшись, пошел в клуб.

— С полпути почему-то вернулся.

Дома его встретил обычно — «приветливый» вопрос отца:

— Что, подлец, вернулся? Закрыли, верно, ваш хамский клуб?

В ответ слышалось:

— Умри, фараон! И... выстрел.

Суд приговорил Виктора Войш к лишению свободы сроком на 1 год. В порядке ст. 326 ч. 2-й У.П.К^[6]. Суд

возбудил ходатайство перед ВЦИК об освобождении Виктора Войш от назначенного ему наказания.

В. Шемановская

Мертвый цвет

В Красноярске — целая масса детей-бандитов. Прокуратура полагает, что их не меньше 300 человек. 300 малолетних преступников! Откуда они взялись? Большинство из них понаехало сюда в голодном 1921 году с несчастного Поволжья. Голод и нужда толкнули их на первое преступление. За первым последовало второе, третье, десятое, тридцатое...

Да, да, тридцатое! Не думайте, что это преувеличение. Именно тридцать дел числится за 12-летним мальчиком, Петькой Коссеничуговым, по кличке «Карынец». И тем больнее за Петьку, что это в высшей степени одаренный мальчик. Он очень развит. Читает газеты. Тонко разбирается в политике. Знает «на зубок» Максима Горького и Леонида Андреева. При обходах представителями власти воровских трущоб он любит щегольнуть своим знанием литературы и заводит разговоры о «Петьке на даче» Леонида Андреева, о «Челкаше» Горького и других героях своих любимых авторов. Но вырвать его из омута уголовщины — почти безнадежное дело. Слишком погряз уже он в преступлениях, и как только его водворяют в реформаториум^[7], он всеми правдами и неправдами вырывается оттуда.

Впрочем, Петька специализировался по карманной части и на кражах «по тихой» — из незапертых квартир. А есть и такие дети, которые попробовали

уже свои силы на «мокрых делах». Вот 13-летний Ленька Лактионов — «Шныра» недавно покушался на убийство своего товарища, и только по счастливой случайности тот избежал смерти. Ленька живет со своими братьями и женой-«шмарой» на глухой окраине города в крохотной хибарке.

Кошмарно-трагическая семья. Сам Ленька — настоящий артист-карманник. Десятки раз доставлялся уже в Уголовный Розыск. Его «шмара», Нинка Шишкина, 13 лет, специализировалась на кражах коров и лошадей. Младший брат Леньки, 12-летний Колька, тоже знаменитый карманник и тоже десятки раз «гостил» в Угрозыске. Третий брат — 11-летний Степка, выдающийся «кукольник» — продавец под видом мануфактуры — рогож и тряпья, под видом золота — медных опилок.

Рядом с ними живет другое «тихое семейство»: Альберт Дегис («Злика»), 13 лет, и его сестра Зельма, 14 лет. Живут они исключительно кражами из квартир. У Зельмы есть еще «побочный» промысел — с 11 лет она занимается проституцией.

Самым старшим в этом детском преступном мирке является Ленька Рудис, 14 лет, и Илюша Никулин, 15 лет. Они уже давно забросили карманную «мелочную работу» и занялись более серьезной и ответственной деятельностью — взломами. За обоими числится до 40 дел.

Перед этими «стариками» не ударят лицом в грязь и самые молодые: 8-летний Колька Ксин и 10-летний Демка Грязнов («Костя Карлик»). Оба они рецидивисты и «мастера на все руки». Они и

«кукольники», и взломщики, и «городушники»^[8], и «ширмачи»^[9].

Эти 8-летний и 10-летний малыши развращены до мозга костей. Каждый из них имеет уже постоянную «шмару» — любовницу. Каждый из них пьет и кутит «при удачах». Каждый из них уже знаком со всеми видами разврата. У этих детей часто глаза блестят возбужденным огоньком — огнем «белого порошка». Они не раз уже болели венерическими болезнями...

Стоит ли перечислять остальных? Это все те же взломщики, конокрады, ^[10]«ширмачи»

и «городушники», «кукольники», карманники, кокаинисты, сифилитики. 300 детей — воров и бандитов в одном только Красноярске — грозное напоминание о нашем долге сильнее налечь на борьбу с беспризорностью.

Сергей Волков

«Изгонительница бесов» (По данным Ленинградского Угрозыска)

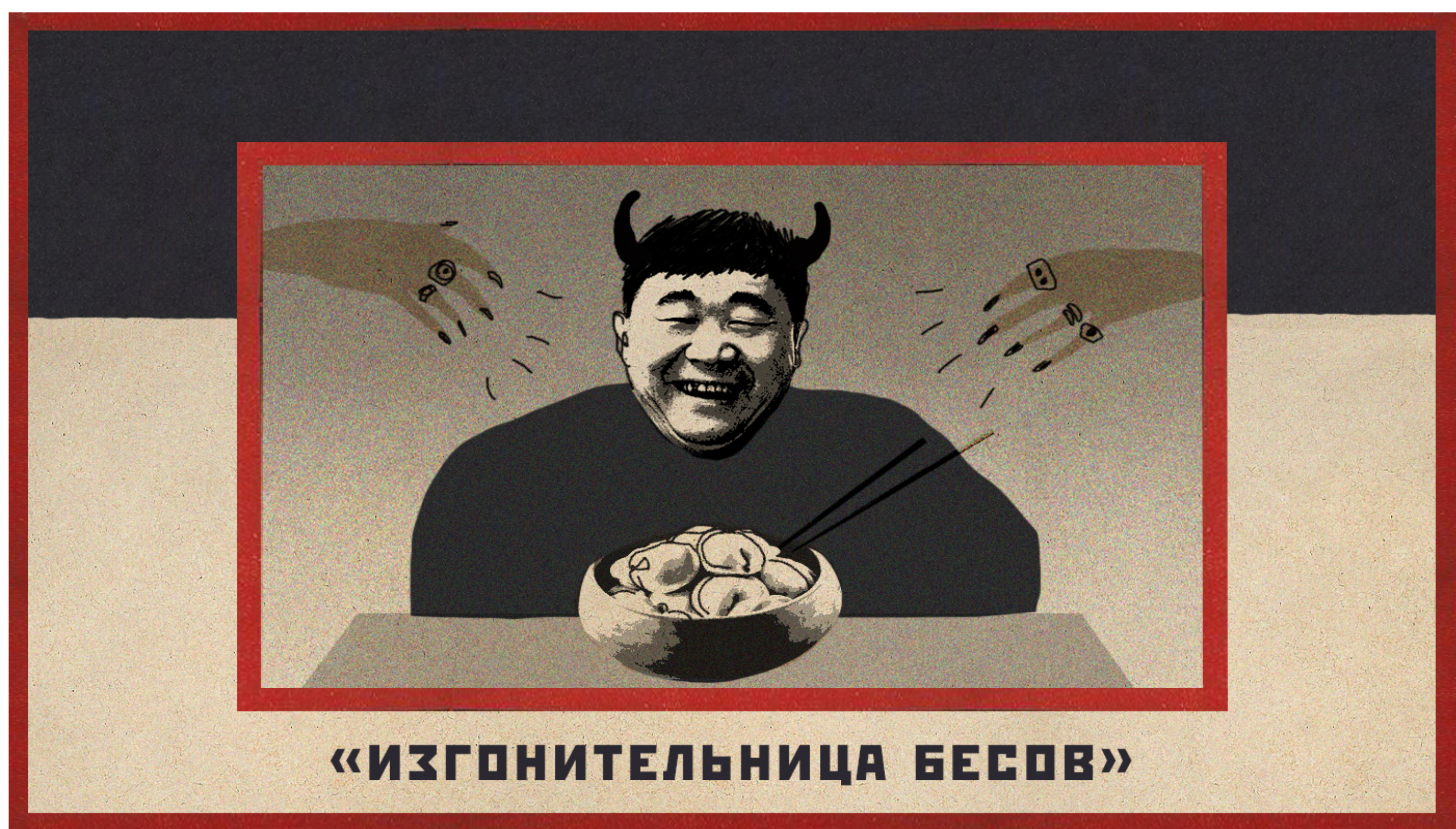

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

В Суконной линии Апраксина рынка торговал в ларьке галантереей китаец Лю-Цин-Чун. Китаец — обрусевший, имел русскую жену — Анну Петровну и двух малолетних детей. В прошлом году Лю-Цин-Чун был осужден Нарсудом Ленинграда за скупку краденых вещей и был приговорен к лишению свободы сроком на 6 месяцев. Он отбывал наказание в I-й сельско-хозяйственной колонии лишенных свободы (Знаменка).

К его жене из Москвы приехала сожительница китайца Жен-Шун-Шан, гр-ка Качурова. Жена Лю-Цин-Чун, Анна Петровна, стала ей жаловаться на тяжелую жизнь с мужем: китаец ревнует ее не только к каждому встречному русскому, но и к посещающих их китайцам, и просила Качурову посоветовать ей, как избавиться от ненавистного мужа, опротивевшего ей за шесть лет подневольной совместной жизни.

Качурова решила помочь подруге и предложила отравить Лю-Цин-Чун; купила мышьяку и дала Анне Петровне подмешать его в пельмени, а затем повезла их к передаче мужу Анны Петровны в Колонию лишенных свободы.

Только было принялся есть пельмени Лю-Цин-Чун, как сразу, только откусив, почувствовал неладное и есть их не стал. Вернувшись же через несколько дней домой, он принес с собою женино угощение и потребовал от жены, чтобы она отведала пельменей. Та, понятно, отказалась от отравы и поспешно выбросила пельмени в уборную, испугавшись, чтобы муж не исполнил своей угрозы, не снес бы пельмени на медицинское освидетельствование.

После этой неудачной попытки, Анна Петровна стала измышлять другой способ избавления от мужа и придумала. 23-го марта, вызвав мужа на ссору и драку, она сделала заявление постовому милиционеру о том, что муж Лю-Цин-Чун страдает острым умопомешательством. Как ни протестовал и ни уверял Лю-Цин-Чун, что он совершенно здоров, — стараниями жены его водворили в буйное отделение 2-й Психиатрической больницы (б. Николая Чудотворца). Боясь, что обман ее может раскрыться, она неоднократно обращалась в Больницу с просьбами держать его как можно строже, уверяя, что если Лю-Цин-Чун будет освобожден и вернется домой, то в припадке убьет ее и малолетних детей.

В январе этого года к Анне Петровне Лю пришла жена китайца, торгующего галантереей в Гостином Дворе, Таисия Григорьевна Юй, и стала поверять ей свое горе: охлаждение к ней мужа из-за увлечения какой-то другой женщиной, — при этом она просила Анну Петровну, не укажет ли она ей такую ворожею, которая могла бы установить коварную разлучницу и вернуть ей расположение мужа. Пожалев приятельницу, Анна Петровна повела ее на Вазенбергскую улицу, в дом №7. Там жила Франциска Дулькис, известная среди местного населения под кличкой «Франя-гадалка».

К этой Фране-гадалке обращалась не раз сама Анна Петровна, знали ее и другие русские жены китайцев в Ленинграде. Франя-гадалка «держала тон»: она их не сразу приняла, а назначила «сеанс» на следующий день.

На следующий день утром к ворожее пошла одна Таисия Юй. Выслушав ее «дело», ворожея раздела ее донага, напоила водой, имевшей привкус мыла, и какой-то зеленоватой жидкостью, обливала ее водой на пороге комнаты с причитаниями из «черной книги» и в заключение уложила на пол комнаты и при помощи двух женщин, присутствовавших на сеансе, мяла ей живот и грудь, изгоняя «блудного беса». Таисия Юй временами теряла сознание, но быстро приходила в себя от ударов по голове, наносимых ворожеей.

Как она попала в тот день домой, Таисия Юй не помнит, но с этого злосчастного дня от перенесенных «внушений» она стала хиреть, страдать бессонницей, галлюцинациями, полным отсутствием аппетита, потеряла 30 фунтов веса, и если бы не своевременно принятые меры, угодила бы в психиатрическую больницу.

О практике Франи-Гадалки было дано знать властям. Произведенным у нее на квартире обыском обнаружен целый склад всевозможных снадобий подозрительного свойства. «Изгонительница бесов» скоро предстанет перед Судом, с ней рядом уготовано место и «изгонительнице мужа».

Рясофорные эксплуататоры

Сторож Петровской церкви Тимофеич впервые за свою жизнь в Суде. Тимофеич век свой провел в церкви: сторожил святых угодников, подметал полы, топил печи, раздувал и подавал кадило, хранил ключи, трезвонил в колокола. А теперь вот этот

старый, немощный и придавленный жизнью человек пришел в Суд и изливает свою обиду...

— Церковным сторожем был, верой и правдой служил. Думал, православные не обидят, а вышло так, что обидели.

Набожные эксплуататоры платили Тимофеичу в 1921 году — 50 коп. в месяц, в последующие годы от 1 руб. до 3-х руб. и в 1924 году — 6 рублей. Работал Тимофеич на православных, как водовозная кляча; в неделю, нет не в неделю, а в месяц отдыха не видел, влачил полуголодное существование, нищенствовал.

Трудовая сессия Главсуда АКССР^[11] привлекла к ответу представителей церковно-приходского совета Петровской церкви. Надо было видеть, как эта компания православных усердствовала на Суде, стараясь себя выгородить.

— «По долгу христианскому» работал, — по их словам.
— Тимофеич в церкви.

— Тимофей Юплов не сторож, а «призреваемый», трудился по своей доброй воле, как христианин; и получал за это не жалованье, а пособие в размере... пятидесяти коп. в месяц.

Но показания эксплуататоров в рясах сбивчивы. Один называет Юплова «сторожем», другой — «призреваемым»... Третий говорит целую проповедь о «христианском долге, о добром, святом деле» церковно-приходского совета, содержавшего призреваемого.

Два дня с утра и до поздней ночи разбиралось дело в Трудовой сессии. И малые, и старые, верующие и безбожнички, все перебивали на этом процессе. Суд над рясофорными эксплоататорами всколыхнул церковное болото.

Суд признал исковые требования в полном размере, возместил ему все недополученное за все время, около 1000 рублей, а членам церковно-приходского совета за «христианскую добродетель» воздал тоже «в меру содеянного», приговорив их к лишению свободы от шести месяцев и ниже.

Здесь, в трудовом Суде, а не в церкви, старый и немощный сторож Юплов нашел правду и управу на эксплоататоров.

Мих. Мессель

Наурцы (Чеченский областной суд)

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

Недалеко от Грозного, в нескольких верстах от аула Верхний Наур есть хутор Мазаевка. Поселили там

сторожей Застуева и Доскуева на охрану казенных лесов от пожаров и незаконных порубок.

Из-за хуторской земли весь сыр-бор и загорелся. В одно из воскресений, в августе 1924 года, после молотьбы собрались наурцы возле мечети земельные дела обсуждать. Вспомнили и о лесных сторожах, что Мазаевскою хуторскою землею пользовались.

Наурцы считали ее неправильно захваченной. Хлопотали, хлопотали о выселении с хутора лесных сторожей, да законного основания на то не имели, так и не добились своего. Ну и решили самочинно расправиться, а тут и коновод горластый подвернулся, влез на решетку у мечети:

— Айда, — кричит, — в Мазаевку лесовиков выселять. Будь проклят тот, кто с нами не пойдет!

Зашевелились чеченцы да с криком и гиканьем к Мазаевке понеслись. Сторожа в это время мирно хлеб в поле убирали. Нахлынула толпа, и все, как есть, у сторожей разнесла. Плетни разобрала, окна, двери в щепы разворотила. Потолки и печи разрушила, а домашний скарб на улицу повыкидывала. Не обошлось и без кражи.

Мало того, членов комиссии, что составляли акт для установления убытков, нанесенных наурцами ни в чем неповинным сторожам, так и тех чуть ли не перебили, требуя выдачи им составленного акта.

12 человек попало на скамью подсудимых. Все это на вид мирные чеченцы хлебоборы. Признали свою вину, чистосердечно глубоко раскаяваясь

в своих поступках, допущенных сгоряча. Свое участие в погроме объяснили неосознанностью и невежеством.

Чеченский Областной Суд четверых оправдал, а восьмерых обвиняемых, учитывая их искреннее признание, приговорил к лишению свободы на шесть месяцев каждого условно с испытательным сроком на 5 лет.

Суд на площади (Выездная сессия Нарсуда Волховского уезда — в деревне)

Праздник «Св. Троицы» население села Усадище Пролетарской волости Волховского уезда ежегодно отмечало почти повальным пьянством, в редких случаях обходившимся без драки, увечий и убийств. В прошлом году жертвой этого «святого» праздника оказался гр-н Кирилкин — еще совсем молодой человек. Ему во время ссоры гр-н^[12] Силин топором поранил руку, разрубив кость.

Тот же праздник, та же деревня, то же население — через год, в 1925 году. Совсем другая картина. Ни пьянства, ни драк, ни убийств. Почему?.. Все окрестное население собралось у избы-читальни в селе Усадище — не на лекцию, не на спектакль, нет. Оно собралось выслушать то, что скажет им Пролетарский Суд, разбирая дело о драке с увечьем, бывшей в прошлом году в этот же день.

Выездная Сессия Народного Суда 7 участка Волховского уезда под председательством Уполномоченного Губсуда т.^[13] Романова, с участием обвинения — представителя Прокуратуры т. Введенского и защиты — члена Коллегии защитников

т. Флегонтова — выехала на место преступления для слушания дела по обвинению гр-на Силина по 151 ст. Уголовного Кодекса — в нанесении тяжкого телесного повреждения и гр-на Слизнева по ст. 176 ч. 2 Уголовного Кодекса — в хулиганстве.

Крестьян собралось втрое больше, чем может вместить помещение избы-читальни. Пришли даже из окружных деревень за несколько верст. Ввиду этого заседание Суда устроено было под открытым небом. Около избы-читальни, на большой площади были поставлены столы, и проведено судебное заседание.

На судебном следствии с полной ясностью установлена картина бытового преступления. Силин, выпив для праздничка, поссорился из-за гармошки с Слизовым, тот толкнул, в свою очередь, Силина. Дальше — больше, слово за слово. Рассвирепевший Силин сбегал домой за топором. Замахнувшись на Слизнева, ударил топором ни в чем неповинного Кирилкина и искалечил его на всю жизнь.

Суд приговорил Слизнева по ст. 176 ч. 2 Уголовного кодекса (за хулиганство) к трем месяцам лишения свободы. Силина — к двум годам лишения свободы и к поражению в правах^[14] на один год.

Приговор Суда вполне удовлетворил крестьян. Праздничный день был проведен с большой пользой — значение показательного Суда было несомненно. Это можно было вывести и из бесед с крестьянами, и на деле.

Селькор А. Вознесенский

Поп-соблазнитель

Иллюстрация: Ольга Аверинова / Медиазона

К священнику села Коскова Просковского сельсовета Городецкого района Нижегородской губернии нанялась в работницы батрачка. Приглянулась сладострастнику женщина, и начал он ее охаживать. То мимоходом ущипнет, то в сенях прижмет. А она молила:

— Не трожь, батюшка, — грех!..

— Брось, дура, — смеялся поп. — что грех? Грех замолим... господь бог милосерд — все простит...

Наконец, женщина сдалась. У батрачки родился ребенок. Священник, не желая, чтобы на селе знали об этом, начал упрашивать батрачку удавить ребенка. Женщина вначале не соглашалась, но потом поддалась упрашиваниям хозяина и... ребенка удавила. Труп был спрятан.

Однако молва уже облетела деревню. Беременность батрачки была замечена, и многие очень удивились, когда встретили ее без «этих признаков».

— Да ты никак родила, родимая? — спрашивали бабы.

— Ой, что вы, что вы! — клялась батрачка. — Неужто я позволю глупости с мужчинами! И брюхо-то у меня, как всегда.

Но крестьяне не поверили и заявили в милицию. Старший милиционер в сопровождении крестьян принялся за поиски трупа. Искали труп в сараях, в помойных ямах, на задворках и, наконец, нашли в хлеве зарытым в навозе. Батрачка созналась в преступлении и указала, что ребенка прижила с хозяином.

— Ну, и поп! — заволновались мужики.

— Не надо нам попа!

— Гнать его...

— Вон попа из деревни!..

Поп пришел в сильное смятение. На утро крестьяне нашли его повесившимся. Подробности дела выясняются следствием.

И. Б.

Потомок (В Нарсуде Центрального Района Ленинграда)

С 5-ти лет он начал ужасать своих родных невероятной лживостью. В 7 лет он уже проявлял

резко выраженные наклонности к спекуляции и наживе. На 11-м году жизни обокрал своего отца-профессора и, забрав 3000 рублей, «бежал в Африку»... Его вернули, отдали в учреждение для трудновоспитуемых, посадили за книги.

С грехом пополам он кончил среднюю школу. И, все зная поверхностно, ничего не умею, ничего не желая уметь, Игорь Винавер вступил в жизнь...

Отец, как мог, пытался приспособить сына к труду. В 1924 г. он взял его с собой в научную экспедицию в Среднюю Азию. Там многообещающий юноша почувствовал себя «вполне на месте»: поклонник «экзотики» и Востока, Игорь Винавер пьянствовал, курил опиум, гашиш и онашу; попутно занимался кражами денег и подделкой документов.

Был трижды арестован, бежал из под конвоя, похитив оружие, вновь был пойман и, отсидев 1,5 года, выпущен на поруки, как «псих». Однако «патология» прекрасно уживалась у него с ненасытным аппетитом к жизни: личность Игоря Винавера представляла собой «счастливое» сочетание убежденного паразита с развязным вралем «американской жилки», с алчностью биржевого «зайца», беспринципности неразборчивого мошенника с мечтательностью молодого авантюриста.

Живя в Москве, Винавер нигде не работал и работы не искал. Занимался исключительно тем, что мечтал «разом разбогатеть». Жил он пьяно и праздно, и любил выдавать себя то за кино-режиссера, то за «изобретателя».

Он и впрямь «изобрел» какой-то огнеупорный состав, долго морочил голову хозяйственникам кино-фабрики, и только разрушительный пожар на фабрике блестяще опроверг легенду о чудодейственной винаверской «несгораемой мази».

В ожидании будущих «миллионов» Винавер существовал на средства своих часто сменяемых жен. Последнюю из четырех (она была секретарем Нарсуда) он довел до крупной растраты. А вскоре и сам дошел до вооруженного разбоя...

В один из Ленинградских магазинов технических принадлежностей явился неизвестный человек в сером костюме и роговых очках и назвался торговцем из Мурманска. «Купил» — товаров на 600 руб. и распорядился их запаковать. А когда хозяин нагнулся, оглушил его ударом по голове «изысканным» экранным способом: мешочком с песком (так — уверял грабитель впоследствии — делают все американские бандиты в кинофильмах) и наставил на него наган, кстати сказать, тоже украденный в Москве. Тотчас же по выходе из магазина, грабитель был схвачен и оказался приезжим из Москвы Игорем Винавером.

На суде Винавер разыгрывал из себя благородную «жертву»: он пошел на грабеж только для того, чтобы покрыть растрату жены... В настоящий момент он как раз стеснен в деньгах. Но не сегодня-завтра разбогатеет: ему должны, во-первых, уплатить гонорар за написанный им гениальный кино-сценарий, а во вторых, — выдать патент на его необыкновенное изобретение.

Прежде чем судить этого выродка, его подвергли длительной психиатрической экспертизе. Вывод врачей: И. Винавер душевной болезнью не страдает, но ввиду своей глубокой психопатии является социально-опасной личностью, для которой изоляция от общества и исправительно-трудовой режим могут принести только самые благоприятные последствия. Приговором Нарсуда Игорь Винавер лишен свободы сроком на 3,5 года.

А. Ледницкий

Самоубийство не освобождает от ответственности

В Канском Окружном суде разбиралось дело по обвинению Александра Сергиенюка по ст. 136 п. «а», т. е. за убийство. В связи с этим делом получил разрешение принципиальный вопрос о том, что покушение на самоубийство не освобождает от уголовной ответственности за совершенное убийство.

Обстоятельства этого дела таковы: сын зажиточного крестьянина 18-летний Александр Сергиенок любил батрачку Анастасию Семенову. Последняя отвечала ему взаимностью, и, казалось, ничего не должно было помешать счастью молодых людей. Но это только казалось.

Все предложения Сергиенка оформить их отношения браком встречали отказ со стороны Семеновой, так как она года три до этого состояла в браке с двоюродным братом обвиняемого. В условиях сибирской деревни, где темнота и невежество еще достаточно сильны, Семенова не могла решиться на такой «революционный» акт, как брак с двоюродным братом своего бывшего мужа.

Так продолжалось до октября 1927 года, когда все это разрешилось кровавой развязкой. В один из октябрьских вечеров молодые люди были на вечере в народном доме, в деревне Колон, где они все время были вместе. Спустя часа три, по окончании вечера, к сторожу народного дома постучался Сергиенок, и когда сторож отпер дверь, он попросил у него разрешения зайти с Семеновой погреться. Затем Семенова упросила сторожа сходить к ее хозяину, гр-ну Бурмакину, у которого она жила батрачкой, и попросить его прийти в народом. Когда сторож ушел, Сергиенок из имевшегося при нем револьвера произвел выстрел в висок Семеновой и убил ее. После этого из того же револьвера Сергиенок произвел выстрел в себя и причинил себе, в области правого уха, легкое ранение, неопасное для жизни.

По видимому, Сергиенок и Семенова, не найдя в себе силы бороться с темными предрассудками, добровольно пошли на смерть и решили покончить жизнь путем самоубийства.

Окружный Суд признал Сергиенка виновным в убийстве Семеновой и приговорил его к лишению свободы на 1,5 года. На этот приговор Сергиенок подал кассационную жалобу в Верховный Суд.

Уголовно-Кассационная Коллегия Верховсуда не нашла в действиях Сергиенка состава преступления, так как обвиняемый и сам покушался на самоубийство, и поэтому дело в уголовном порядке было прекращено. В порядке надзора дело рассматривалось в Пленуме Верховного суда.

Пленум нашел, что то обстоятельство, что обвиняемый в совершении убийства сам впоследствии покушался на самоубийство, не может освободить его от уголовной ответственности, независимо от того, совершено ли убийство по соглашению с убитой или насильственным путем. Последующее покушение на самоубийство может иметь значение лишь при избрании той или иной меры социальной защиты, но и с учетом других обстоятельств дела.

Во всяком случае покушение на самоубийство не может служить поводом к прекращению дела, если обвиняемый признан социально-опасным. Поэтому Пленум определение Уголовно Кассационной Коллегии отменил и передал дело для нового рассмотрения.

Это постановление Пленума имеет большое значение, так как указывает судам, что с такими пережитками, как самоубийство, мы должны вести решительную борьбу, а не прекращать возбужденные по этому поводу уголовные дела.

В таких случаях Суду надо суметь поставить дело так, чтобы оно прежде всего носило воспитательный характер, научало и воодушевляло молодежь бороться с некультурностью и серостью окружающей среды, а не заниматься взаимным самоистреблением.

Наши Суды должны обратить самое серьезное внимание на подобные дела и помогать своим приговором культурно-просветительным организациям в их тяжелой работе в деревне.

В. Михайлов

Материалы для публикации отобрал Дима Швец.

Редактор: Сергей Смирнов

1. До революции — пренебрежительное прозвище полицейских.

2. Сего года.

3. Статья 67 УК РСФСР от 1922 года: «Активные действия и активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственных должностях при царском строе».

Осужденному грозит «высшая мера наказания и конфискация всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества».

4. Российский ленинский коммунистический союз молодежи. В 1926 году был переименован в Всесоюзный ленинский коммунистический союз молодёжи (ВЛКСМ).
5. Бывший.
6. Часть 2 статьи 326 УПК РСФСР от 1923 года: «Суд выносит приговор об освобождении подсудимого, признанного виновным, от наказания по амнистии или давности».
7. Вероятно, производное от слова реформаторий. Так назывались исправительные учреждения в Москве и Петрограде для молодых людей от 17 до 21 года.
8. Воры, крадущие с прилавков.
9. Воры-карманники, при краже прикрывающие руку каким-либо предметом, одеждой.
10. вор, при краже прикрывающий руку каким-либо предметом
11. Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика.
12. Гражданин.
13. Товарища.
14. Вид наказания, предполагающий запрет избираться или голосовать на выборах в парламенты, профессиональные и другие организации, а также занимать ответственную должность, быть заседателем или защитником в народном суда, становиться поручителем или опекуном.